

Оборона Мариенбурга / Marienburg's Stand (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Оборона Мариенбурга / Marienburg's Stand (рассказ)

Автор	Дэвид Гаймер / David Guymier
Переводчик	Serpent
Издательство	Black Library
Серия книг	Конец Вре́мён
Год издания	2015
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

□

Содержание

ПОЛНОЧЬ

I - Море Когтей

РАССВЕТ

I - Палейсбююрт

II - Сёйдштрассе

III - Рейксмонд

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

I - Аудгелдвейк

II - Сёйддок

III - Аудгелдвейк

IV - Палейсбююрт

V - Норстад

VI - Аудгелдвейк

ПОЛДЕНЬ

I - Сёйдштрассе

II - Сёйддок

III - Сёйдштрассе

IV - Сёйдштрассе

СУМЕРКИ

I - Рейкспорт

ПОЛНОЧЬ

Конец зимы, 2525

I - Море Когтей

Звёзды холодно сверкали в чистом ночном небе. Лик Моррслиб блестел, словно монета, её свет окрашивал в серебро рассекаемые килем корабля чернильные гребни волн моря Призыв Мананна. Трехмачтовый галеон «Рука мастера» сменил галс с востока на запад, лавируя против северного ветра и стремясь вглубь моря Когтей. Ветер вздыхал в снастях и в свободной одежде вахтенного матроса, и вызывал лёгкую рябь флага Мариенбурга, что развевался на юте.

Он принёс с собой слабый запах гниения.

Штурман сморщил нос, сравнивая положение звёзд с проложенным им маршрутом и моля Мананна о чистом небе, и, понизив голос, назвал курс и румб руля. Купец неспешно повернулся вокруг, нос корабля при этом высоко поднялся над волнами, словно вынюхивая нужный ветер, что приведёт его в порт. Мрачный и спокойный, словно нордландский шпион, пытающийся проникнуть в Южные доки Мариенбурга, корабль молчаливо обратился к северу. Ещё до уничтожения Эренгарда и разгрома бретоннского флота в Лангуле это были коварные воды, частенько посещаемые норсканскими пиратами и корсарами тёмных эльфов. Даже несмотря на то, что Мариенбургу всегда досаждал призрак войны, только самые безрассудные или отчаянно задолжавшие дураки рисковали покидать гавань в эти дни.

В следующий раз капитан Неда ван Гал дважды подумает, прежде чем соглашаться отправиться в путь на пронизывающем кости ветру, рискуя «Рукой мастера».

- Дайте мне фонари на нос и правый борт, - сказал капитан ван Гал в ответ на вышеупомянутый запах, что принёс холодный ночной ветер. Он перегнулся через поручни высокой рубки и взгляделся в шепчущее серебристо-чёрное море. Капитан указал на север, на массу более глубокого чёрного цвета,

плавающую в лунном блеске, а затем торжествующе пролаял: - Обломки! Рулевой, право руля, подведи нас поближе.

Ван Гал поспешил по ступенькам вниз на палубу, покачивающуюся от килевой качки, как только двенадцатипушечный купец лёг в дрейф.

Могучий флот высших эльфов покинул гавань Мариенбурга в первые часы вчерашнего вечера, и в то время как гордые князья моря пренебрежительно отнеслись к своим врагам, не считая человеческий флот достойным противником, ван Гал не был столь разборчив в отношении трофеев, которые бы он мог набрать после намечавшейся битвы. Только один норсканский длинный корабль, грузёный мехом и серебром, позволил бы оплатить долг этой змее дер Зее.

- Рулевой, сохраняй дистанцию, - крикнул ван Гал в темноту юта, когда корабль вплыл в неплотный остров обломков с серией слабых, едва слышимых щелчков. - Готовьте верёвки. И дайте мне, наконец, свет, чёрт подери!

Резкий свет ударил по глазам, когда боцман открыл заслонки своего штормового фонаря. Волны, колыхавшиеся в тени планшира, сменили свой цвет с чёрного до насыщенного цвета паслёна. Свет фонаря отразился от металлической поверхности опустившихся крюков. Ван Гал с тревогой ухватился за поручни, как только увидел, что за мусор они вытащили. Его брови поднялись в замешательстве. Норсканские корабли, как правило, делались из осмоленного чёрного дуба или сосны, но оторванный кусок обшивки, что висел и крутился на крюке перед его глазами, был белый и гладкий, как жемчуг.

Но это...это же не может быть правдой.

- Погасите свет, - пробормотал он, и корабль тотчас скрылся в темноте, как и стихший ветер. Предсмертная рябь пробежала по повисшим парусам.

Горизонт был тёмн, слишком тёмн. Ван Гал никак не мог избавиться от охватившей его уверенности, что только что тысячи невидимых парусов прошли между ним и ветром.

Когда ветер вернулся, то он принёс с собой гнилостный смрад протухшей плоти и распада, как будто сам океан сделался больным.

- Полный назад. Поднять все паруса, - ван Гал поперхнулся, его приказ звучал приглушённо из-за рукава закрывающего рот и резкого рвотного позыва.

Эльфы были побеждены.

Сама идея об этом повергла его в немое оцепенение, и в этот момент первая распухшая, скрипящая тень появилась под осветившими океан звёздами, и в этот миг он пришёл в себя, он понял, что чувствует капитан, когда его судно балансирует на краю водоворота.

Всё, что ему оставалось делать - это смотреть в немом изумлении.

Они направлялись на юг. В Мариенбург.

И их было так много.

РАССВЕТ

I - Палейсбююрт

Пронзительные звуки морских свистков капитанов-по-оружию разносились сквозь туман, висевший над доками города-порта, и смешивались с криками чаек и крачек, круживших в туманной мгле, окутывавшей правительственный квартал Мариенбурга. Каспар Восбергер встал из-за своего стола в гостиной клуба джентльменов, исключительно для живущих на Рейксиде, и прошёл к окну. Рейксиде была пустынной в этот час. Портреты известных купцов и горделивый бюст императора Дитриха IV из слоновой кости - выпьем же за День отделения - глядели вниз с обшитых дубовыми панелями стен, когда он отодвинул шторы и выглянул в раскинувшуюся под окнами бухту.

Измученный перст красного света только что появился из-за края застланного туманом горизонта. Частные военные корабли купеческой элиты качались на якоре в тусклом свете, затмеваемые тенью высокого каменного моста, что соединял западную и восточную части города, проходя через сильно укрепленный остров Высоких башен. Там, где Рейк расширялся, свет был ещё более бледным. Расплывчатые силуэты кораблей бороздили туман, совершая опасные манёвры. Белые шпили эльфийского квартала напоминали вытянувших шеи журавлей из Проклятых болот. На бедной стороне, в главных городских доках - Сёйддоках - бурлила неясная деятельность. Каспар на секунду задержал на ней свой взгляд, дорогое стекло защищало его от холода и уменьшало неприятную вонь до слегка беспокоящего резкого аромата, а также заглушало плач свистков, исходящий из доков.

Так легко было убедить себя в том, что это были всего лишь птицы.

- Это просто учения, - сказал другой человек находившийся в комнате. Он полулежал в зелёном кожаном кресле, куря сигару и покручивая хрустальный бокал в форме створок моллюска, наполненный тильянским белым двадцатипятилетней выдержки. Рассвет окрашивался красным, проходя через рубины, гранаты и шпинели на кольцах, что усеивали его пальцы. Энгел ван дер Зее не имел титула или звания, которые бы знал Каспар - сам он происходил из старого вестерландского дворянства и гордился этим, и делал всё, чтобы и остальные знали об этом - но Мариенбург был городом, отличным от всех остальных. Земли и происхождение считались имеющими куда меньшее значение, чем долженствовало, особенно, когда самый значительный бизнес вёлся, в основном, в тени. Это позволило разбогатеть упырям, подобным ван дер Зее. Мужчина неторопливо втянул в себя запах своего вина.

- Генерал Сегер утверждает, что всё было спланировано заранее.

Со слабой гримасой отвращения он поставил бокал.

- Оставьте мысли о войне тем, кого это касается. Вы должны быть больше обеспокоены вонью, что крайне отрицательно влияет на привлекательность этого места.

Мариенбург был известен среди портов по всему миру своим острым запахом, и так было в течение многих столетий. Каспар уже настолько привык к нему, что сейчас ему даже не требовалось слишком сильно принюхиваться. Ныне он изменился.

- Большинство членов моего клуба вкладывают деньги в быстроходные корабли и оружие для своих людей, - Каспар лишь наполовину отвернулся от окна. Свет вспыхнул среди безмолвия костяных осколков, что дрейфовали в тумане, накрывшем Рейк. - И вы разбудили меня до первых чаек лишь для того, чтобы сделать предложения для моего ведомства?

- Это пройдёт, - он пренебрежительно кивнул на волны за окном. - Золото по-прежнему останется золотом и в ожидающем нас будущем. Но, - он вкрадчиво пожал украшенными серебряным шитьём

плечами, - если вы предпочитаете людей или корабли, я уверен, что мой работодатель рассчитается с вами соответственно. Вам известно, на кого я работаю.

- Неужели? - откликнулся Каспар, ответив вопросом на заявление человека. Были среди постоянных клиентов Рейксиде достаточно богатые и влиятельные люди, которые считали всезнающего короля криминального мира, которого местные легенды называли Повелителем Теней, ничем иным, кроме конспирологического мифа - фантазией людей из притонов и мясных рынков Южных доков. Каспар молчаливо рассматривал высокомерное лицо своего гостя.

Он подозревал, что таким людям хорошо компенсируются их «убеждения».

Каспар посмотрел на гобелены и портреты, что украшали стены. История была здесь. Восбергеры были хранителями самой лучшей из связующих Мариенбург организаций со времён линии ван дер Махт, когда Вестерланд был ещё провинцией Нордланда. Он снова повернулся к окну и вздрогнул. Свист вырос до пронзительного крещендо, и крики мужчин из трущобных районов верфей дотянулись и досюда, прикоснувшись к оконному стеклу. Оно тихо зазвенело в своей раме.

Возможно, ван дер Зее был прав. Его семья до сих пор имела имения в «старой стране».

Пора было выбирать, пока ещё было время.

II - Сёйдштрассе

Капитан Альваро Казарро дул в свисток до тех пор, пока его щёки не покраснели и не заломило в висках. Верецианский Двадцать-четыре девяносто-пять только что занял учебную оборону на пересечении Южного проспекта и Рыбного рынка подле объединённых сил Серошкурых Драквальда и банд коссаров Эренгарда. В результате его люди оказались разбросаны по всему перекрёстку. За покатыми крышами магазинов и высоких прибрежных особняков, были видны мачты и вороньи гнёзда кораблей в доке, рыскавших туда и обратно. Назойливые крики пробивались вниз сквозь туман. Грохот пушек, редевших вдалеке, напоминал гром.

Это часть тренировки?

Цвета солдат, сновавших в ледяном тумане, что прилепился к зданиям, перемешались, когда они пытались в царившей неразберихе отыскать своих капитанов и свои штандарты. Ротные заявляли, что среди их подразделений было много бойцов, раненных по-настоящему.

Казарро вытащил свисток изо рта, и мгновенно, словно кляп, его глотку заполнил миазматический аромат, пронизавший утренний туман. Это было омерзительно даже по меркам Рыбного рынка, как будто вся, до последней, рыба в Рейке умерла и сгнила за одну ночь. Странные чёрные пятнышки, напоминающие дрейфующие споры, проплывали по небу на струях ветра.

Бойцы его роты - в украшенных перьями шлемах, в нагрудниках с медными декоративными элементами, покалывавшими от утренней росы, худые и промокшие - кашлянули на зловонный туман и опустили свои пики, образуя квадрат примерно шесть на восемь, а Казарро выискивал вокруг хоть кого-нибудь, кто понимал, что он делает. Всё, что он увидел - отряды наёмников, такие же, как и его собственный. Он встретился взглядом со своим коллегой Германом Гислингом, широкоплечим сержантом в волчьей шкуре Серошкурых, который ответил на его вопросительный взор пустыми глазами и пожатием плечами.

Мариенбургские офицеры были столь же редки, как и итильмарская пыль.

- В доки! - закричал книжного вида молокосос в отделанном золотом плаще и камзоле без рукавов. Он нёс монету и скипетр Мариенбургского торгового совета и пытался протиснуться мимо здоровенных, тяжело бронированных сержантов, что окружали его.

Наконец-то, подумал Казарро, проталкиваясь сквозь плотные толпы солдат, чтобы присоединиться к группе офицеров, что уже засыпали неудачливого вестника градом вопросов.

- Это нападение?

- Откуда?

- Сколько?

Злой и запыхавшийся посланник ответил так кратко, как мог.

- Норсканский флот вошёл в Рейк. Часть войск уже высадилась в самых северных доках. И в Храмовом районе.

Казарро посмотрел на север, где большой храм Мананна - повелителя океанов и покровителя мореплавателей города-государства - маячил где-то в тумане. За криками и свистом ему показалось, что он смог расслышать тревожный набат его колоколов. Он закашлялся, а потом вытер кровь, появившуюся на ладони, о край алого плаща.

- Как они разрушили Влудмююр? Она ж простояла тысячу лет.

Ещё больше вопросов и несколько насмешливых замечаний стали ему ответом.

- В доки, все вы! - сплюнул глашатай. - Леди фон Унтервальд обещает, что каждый человек получит гильдер, когда норсканцы будут сброшены в море.

С приветственными криками мужчины слегка ослабили давление на глашатая, так что тот улучил момент и, выбравшись из их окружения, отправился на север по Сёйдштрассе.

- Вы ничего не найдёте в Норсканском квартале, - крикнул ему вдогонку Казарро.

Чинуша из восточного района, очевидно, понятия не имел, куда направляется. Весь тот район был спалён дотла за несколько недель до этого в отместку за, как все говорили, пиратские нападения их соотечественников на рыболовецкие флотилии и их сопровождение у берегов Бретонии. Двадцать-четыре девяносто-пять были расквартированы около доков, однако Казарро знал, что на самом деле не было никакого рыболовства, особенно после того, как создание Золотого Бастиона выдавило войну из степей Кислева на море Когтей. И ещё он достаточно повидал, чтобы распознать подстрекательство к бунту, когда замечал таковое; и за указом, что мёртвые лишены благословения Морра и оставлены гнить в своих хижинах, он угадывал более тёмные мотивы, чем обычный ура-патриотизм.

Может, именно это и вызвало вонь, царящую в воздухе, которую истинные мариенбуржцы со смехом списывали на некачественный товар или изменчивый ветер, что принёс запах с Проклятых болот.

- У меня есть свои инструкции, - ответил герольд, размахивая конвертом с восковой печатью фон Унтервальд, - а у вас - ваши.

Казарро откашлялся, выплюнув сгусток чёрной мокроты. Чем бы эта чёрная дрянь ни была, она, словно

дьявол, прилипала к горлу. О леди фон Унтервальд говорили, что она была вдовой одного из недавно почивших членов торгового совета - хотя никто не мог сказать, какого именно - и она была, безусловно, достаточно хороша, чтобы выполнить её приказы за обещанное вознаграждение.

С самого момента своего основания Двадцать-четыре девяносто-пять за звонкую монету служили охранниками купеческих караванов, сопровождая их на родину. Некоторые из моряков, запертых в доке, говорили, что Вереццо был в осаде. Другие утверждали, что вся Тилия и Эсталия пали в тёмную землю, и что нынче крысолюди правят среди руин, и их хищный взор теперь обратился на север. Казарро не верил в это. Он доставит своих людей домой.

Казарро хрипло откашлялся и указал вниз в сторону Рыбного рынка и доков.

- Вы слышали парня.

III - Рейксмонд

Великая морская стена Мариенбурга - построенное гномами чудо инженерии, окружавшее зияющую пасть устья Рейка - была названа Влудмюр. Волны разбивались об опорные монолиты, столь же прочные, как и мускулы древнего народа, а сама стена оцетинилась достаточным количеством орудий, чтобы пустить на дно любую армаду. Созданная для эльфов в золотой век гномов, выдержавшая всё, что бросало на неё время и волны с незапамятных времён, нынче рухнула в глубины моря Призыв Маннана.

Клубок гниющей растительности выдавил жизнь из той части укреплений, что выстояли и не были поглощены морем, после чего в пролом вплыл норсканский флот: сотни кораблей, рассёкшие кипящие волны под облаком чёрных спор. Ядовитые боеприпасы, что уничтожили стену, обратили паруса кораблей в чёрные гниющие полотна, но кое-каким демоническим кораблям всё же удалось поймать ветер. Рычащие носовые украшения, изображавшие морских драконов и кракенов, приподнялись и рухнули в брызгах насыщенного отравой моря, когда с длинных кораблей выбрались колоссальные твари, что подхватили суда и потащили армаду в устье Рейка и далее вверх по течению в сторону города.

Это были огромные, покачивающиеся на воде туши, которые, казалось, не могли даже надеяться оставаться на плаву. Короста из моллюсков покрывала их раздувшиеся борта до ватерлинии, словно металлическая обшивка, а огромные, покрытые плесенью чёрные паруса тянули их зловонные, неповоротливые чумные корпуса в сторону Южных доков.

Крупнейший из них - флагман вторгнувшегося флота - был покачивающимся на волнах неуклюжим бегемотом, облачённым в паутину из водорослей и висящих спор, в окружении эскорта из длинных кораблей. Его высокая палуба оцетинилась катапультами и баллистами, и кружок из чемпионов окружал военачальника, чья собственная колдовская мощь погружала мостик чудовищного судна в болезненный зелёный свет. Штандарт, покрытый пустулами и изображавший полусгнившего волка, развевался на полуюте, и такой же образ из гниющей древесины, рыча, вырос на вершине брам-стеньги.

Россыпь скалистых островов, заполнивших дельту реки, заставила рассыпаться ранее монолитный строй корабельной армады. Захлёстываемые волнами бастионы, что были возведены на островах, обрушивали на бороздящий воды Рейка флот огонь залповых пушек и потоки гномьего огня. Мелкие корабли были разорваны в клочья, нашинкованные тела экипажа, заполнившие воду между горящими обломками, окрасили красным воды Рейка. Береговые орудия и баллисты изливали вихрь огня. Промажнувшиеся пушечные ядра окатывали огромными гейзерами пенящейся морской воды упорно продолжавших

движение норсканцев.

Корпус «Зелёного волчары» был изрешечен железными болтами, покрывавшая его борта короста из ракушек раскололась в местах прямого попадания пушечных ядер, но он продолжал движение, неустойчивый, как прилив.

Более половины флота Мариенбурга всё ещё стояло на якоре, те же немногие шлюпы и шхуны, что уже снялись, поспешно выстроились в лукообразную линию поперёк Южного дока, выставив стену бортов навстречу наступающей армаде. На один корабль защитников приходилась дюжина вражеских, но их позиция была сильна: прибрежные батареи пожинали страшный урожай, и норсканские корабли, кроме того, будут вынуждены бороться с ветром, чтобы использовать свои орудия против ошестившегося пушками мариенбургского флота. Кроме того, флот был воодушевлён находением в центре их линии «Зегепрала» - 74-пушечного дредноута, не знавшего поражений на протяжении тех шестидесяти лет, что он был флагманом мариенбургского флота.

«Зелёный волчара» открыл столь яростный огонь, что «Зегепрал» оказался отодвинут на несколько ярдов. Злой чёрный дым ринулся обратно в туман, перебивая гнилостную вонь честным запахом селитры. Тяжёлые железные ядра вонзились в нос чудовища, разрушая кальцинированную оболочку и заплесневелую древесину. Залп пронёсся через такелаж, и воины, толпившиеся на палубе, закричали, когда мачта раскололась и упала. Вымученные артиллеристы «Зегепрала» быстро выполняли перезарядку, в то время как более мелкие корабли отпрыгнули огонь из собственных орудий.

Но, по какой-то непонятной причине, «Зелёный волчара» всё ещё держался.

Экипаж «Зегепрала» в ужасе смотрел, как огромный мутант, размером больше, чем рыбацкая хижина, загрузил тяжёлую чёрную урну в катапульту, закреплённую на передовой огневой позиции мостика «Зелёного волчары». Мускулистое тело существа представляло собой прогнившую зеленую плоть, покрытую фурункулами и бубонами. Его внутренности, вывалившиеся из прогнившего живота, болтались на уровне колен. Одна из рук существа утончалась до тех пор, пока не превращалась в тонкий костяной шип. Другая - заканчивалась пастью полной острых зубов и обрамлявшими её щупальцами. Жужжавшие полчища мух крутились вокруг его рогов, когда тварь загрузила свой вызывающий ужас груз в катапульту.

Горстка защитников Влудмююра спаслась на плотках, и их истории распространилась подобно оспе.

ЧУМА!

Матросы «Зегепрала» закричали в унисон, когда, не используя ничего, кроме собственной чудовищной силы, тварь оттянула чашу катапульты с загруженным в неё страшным грузом, а затем отпустила.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ

I - Аудгелдвейк

- Сие, - твёрдо произнёс граф Мундвард, скрестив руки на груди и глядя вниз над каналами и наполовину деревянными особняками квартала Старых Денег на линию схваток, бушевавших по обе стороны Рейка - Сие невозможно.

- Поверьте, - произнёс женский голос из тьмы приёмного зала за его спиной. Её голос был резок и

надменен, что-то среднее между сочувствием и откровенной злобой. - Неужели вы не слышите плач колоколов городских храмов?

Впалое лицо графа сморщилось ещё больше от отвращения. Звон стали и громкие голоса разносились над городом гнилостно-душным ветром. Он слишком много вложил в этот город: время и деньги, кровь и душу. Пока он смотрел, среди складов Сёйдкоков расцвёл взрыв. Он хорошо знал его. Он *слишком* хорошо знал всё это. Он продолжал смотреть, пока взрывы не успокоились. Северный ветер разносил мусор и странный чёрный мох, что принесли с собой норсканцы, всё глубже и глубже в его город. Там, где оседал мох, прогнивали и обрушивались здания, построенные ещё до рождения графа, лезвия затупливались и покрывались ржавчиной, а мужчины задыхались от спор, заполнивших воздух. Это был не просто очередной рейд норсканцев. Это было полноценным вторжением. Эфир провонял запахом магии чумы, вонью чемпиона распада.

Беспорядок. Как он презирал его.

Он отвернулся от окна, избавляясь от сцен хаоса, что заполнили его разум.

Приёмный зал в его особняке был тёмнее от чёрного стекла, вставленного в рамы окон для создания упорядоченной иллюзии вечного сумрака. Роскошный ковёр благоухал запахом обжаренных кофейных зёрен из далёкой Арабии. Богато украшенный гранитный камин стоял у стены, хотя и служил всего лишь для создания антуража, и в нём полыхал огонь. Книги в однотонном кроваво-красном переплёте были аккуратно расставлены вдоль стен. Шёлковые покрывала, привезённые из Инда, покрывали изящные кресла, созданные лучшими мастерами Эсталии. Зловещие пейзажи потерянной Сильвании кисти Дайлита висели на стенах. С шелестом перьев цвета бледной луны, длиннохвостая птица вспорхнула с одного из книжных шкафов и пролетела в сторону каминной полки. Это был попугай из подземных джунглей южного Наггарота - крайне редкая и ценящаяся за гармоничное пение, что исполнялось ею только ночью, птица. В полутьме зала она вывела довольную трель.

Алисия фон Унтервальд наблюдала за птицей краешком глаза, словно кот. Она была одета в платье из чёрного кружева, украшенного перламутром, который был практически идентичен цвету и сиянию её собственной кожи. Её глаза были белыми, словно женщина была слепа, а её пальцы плавно переходили в длинные, изящные когти. Форма её подбородка была царственной, изгиб губ - горделивым. Для джентльмена известной эпохи она была сносно привлекательной. Но теперь, спустя четыреста лет, Мундвард находил её крайне отвратительной на вид.

И всё же он любил её, как любил и этот город - и оба они принадлежали ему, вне всякого сомнения - и в то же время, пока хотя бы один бургер или блуждающая мысль оставались вне его контроля, не могло быть полного удовлетворения. Какой дурак мог быть удовлетворён столь неполным завоеванием?

- Вы строили западню для этого города на протяжении последних четырёх сотен лет, - сказала она, голос её неожиданно стал таким же горьким, как и запах кофейных зёрен. - Разве нет ни малейшего удовлетворения от зрелища того, что терпеливая работа, наконец, увенчалась успехом, наблюдать за тем, как челюсти этой ловушки последний раз смыкаются на шее смертных? Не будет ли это ещё более сладким зрелищем, если уничтожить этих высокомерных захватчиков в самый пик их триумфа?

- Нет, - спокойно произнёс Мундвард, - Сие ещё не готово.

- Вы могли бы подтолкнуть пешки для установления своего вечного правления, - прошипела Алисия. - Настало наше время выйти из тени, *повелитель*. Наши сильванские родичи воскресли. Леди ван Маренс прошептала мне, что сам Влад борется с подобным этому злом на севере. - Её когти сомкнулись над

бёдрами, после чего она выпятила грудь, скорчив отвратительную гримасу. - А теперь и какой-то человек.

- Дерзость, - сказал Мундвард, поднимая руку, приготовившись ударить её, и обнажив клыки, когда, выставив алебастровую ладонь, Алисия ускользнула прочь. Она провела когтями по корешкам книг Мундварда. Он зарычал, когда тщательно созданная композиция пыли оказалась нарушена. - Не думаешь ли ты, что выжил я из ума, подрыхлел и ослеп, сидя в темноте? Случайностью ли было то, что корабль капитана, что должен был мне, отправился в море Когтей за эльфов флотом вслед? Не было гарантии никакой, что эльфы вернутся вскоре, неся весть о победе или поражении. Ван Гал, однако же, вернётся, как только нагребит достаточно, дабы долг погасить, что повис на корабле его ...если жив он, конечно.

- Я предполагаю, что ему это не удалось.

- И разве благословенному стечению обстоятельств мы благодарны быть должны за то, что «Зегепрал» патрулировал этим утром, а не стоял на рейде, как запланировано было? Какие счастливые звёзды сиянием своим осветили нас, что силы града были собраны для тренировки в Южных доках?

Алисия покачала головой: - В ваших силах было сделать и большее, чем это, возлюбленный сердца моего.

- И рискнуть разоблачить себя? Я сказал вам, что сие слишком рано.

- Мариенбург находится на грани, - выплюнула Алисия, в вихре кружев повернувшись к нему лицом.

- Преувеличиваешь ты. Град, что построил я, куда лучше подготовлен, чем тот, что победил Маннфреда много лет назад. Он восторгается, и мы сможем продолжить. И я преуспею там, где дрогнули наши учителя.

- Этого не произойдёт, - сказала Алисия, пальчики его птенца потянулись к одному из сотен красных переплётов и наклонили его к ней. Холодная плоть графа напряглась, когда его супруга вытащила том с полки и явила миру странную кожаную поверхность чего-то настолько древнего и ужасного, что невежественный народ Мариенбурга даже предположить не мог, будто оно может находиться в границах их родного грязного города.

Чёрный Том Влада фон Карштайна.

- Как ты...? - Мундвард стиснул челюсти. *Знание - сила, а невежество - слабость.* - Ещё не время.

- Лилит ван Маренс и её сёстры уже в доках. Зверь шевелится под Рейком, - Алисия протянула фолиант. - Время пришло. И если вы не будете действовать, то я буду.

II - Сёйддок

С треском ломающейся древесины десятки норсканских длинных кораблей врезались в причалы доков, извергнув полчища безумных берсерков и закованных в панцири чемпионов. Мужчины падали замертво, ещё даже не добравшись до линии защитников, их тела поразили не стелы или копья, нет, они пали от вскипевших на их телах чёрных язв, нарывов и гнойных пузырей. Отряд Мариенбургских регулярных ринулся в битву с рвавшимися вперёд толпами, обрушивая на северян сверкающие клинки алебард, в то время как их капитан поднял к губам свисток и выдул серию команд, приказывая собраться и сформировать соответствующее построение.

Мариенбург держался, но без наёмных отрядов и военно-морских сил высших эльфов, на которые он опирался, город остался в одиночестве, и с каждым мгновением битвы всё новые и новые защитники Мариенбурга находили свою смерть от рук северян.

- Чума! - закричал Казарро, срывая с головы шлем в попытке очистить свою голову от прилипшего к волосам заразного сора и стараясь держаться плечом к плечу со своими товарищами-вереццианцами, пока отряд продолжал отступление. Они делали это с безупречной дисциплиной: пики опущены, щиты прикрывают переднюю линию. В обычной ситуации, Казарро испытывал бы гордость. Наёмник может сражаться за множество вещей: богатство, честь своего полка и репутацию своей родины.

Но никто не мог бороться с болезнью.

Они отступили в переулок. Склад маячил справа, а верфь - слева от них. Спёртый воздух пах кишками и опилками. Казарро надеялся, что дисциплина и ограниченное пространство дадут им преимущество и позволят продолжить организованное отступление, хотя даже это вряд ли бы смогло повернуть всё вспять. В борьбе один на один они не имели ничего, что могли бы противопоставить той мощи и ярости, что была обрушена на них.

Воин Хаоса в громоздких доспехах, покрытых трещинами фурункулов и ярь-медянкой, поднял плачущий топор и повёл воющих воинов в атаку. Казарро отбил протянувшийся к нему меч, в то время как слева от него вереццианский боец был разрублен надвое варваром, нанесшим удар топором сплеча. Боец справа с лязгом металла скрестил свои клинки с норсканцем, но вдруг рухнул на землю, выкашлявая кровь и чёрные споры в тисках странного припадка. Ещё один воин занял его место для того, чтобы спустя мгновение быть разрубленным надвое смертоносным ударом проклятого топора. Мужья Вереццо вырезались и слева и справа. Даже те, кто находился в задней линии, не смогли избежать гибели: в приступах кашля и кровавой рвоте они падали на землю, чтобы быть растоптанными под ногами преследователей. Ужас был так же неизбежен, как вонь.

- Отступаем. Бегом. Назад к дороге.

Альваро Казарро бросил свой шлем и меч и со всех ног бросился бежать.

III - Аудгелдвейк

Летучие мыши собирались над крышей особняка. Некая сила притягивала их, и всё больше и больше зверьков несло, хлопая крыльями, изо всех городских кварталов, до тех пор, пока бурлящая, визжащая масса тел не скрыла солнце, после чего граф Мундвард открыл двери и вышел. Буйство криков полной силой обрушилось на него, и он с ворчанием приостановил свой шаг. Воздух был наполнен кровью, так что он мог, казалось, просто открыть рот и пить её. Прошли десятилетия - века - с тех пор, как он убивал своими руками, но вида текущего красным Рейка было достаточно, чтобы даже его нерушимое самообладание оказалось на грани. Он встряхнулся, отогнав желание сомкнуть свои когти, и неспешно отправился к краю видимого им беспорядка и анархии, что охватили его царство.

Вражеский флот был столь многочисленным, что перекрыл собой широкое устье Рейка, и имеющий желание боец мог бы пробежаться по палубам от храма-маяка Мананна на западе до готического морского форта острова Рийкер на севере, и далее, к стройным шпилям Эльфийского квартала на востоке. Огромная масса парусов двигалась к мосту Высоких башен и дальше, устремляясь к сердцу города. Укрепления на реке были превращены в руины, и за туманной дымкой из мух и спор ни один, даже самый зоркий глаз не мог разглядеть ни единого признака «Зегепрала» и остального флота.

Две трети города уже были потеряны, десятки тысяч людей - убиты. Многократно превзойдённые числом и бичуемые неизвестной заразой, живые - и это было очевидно - уже не могли спасти свой город.

- Что ж, я гляжу, что оборона града сего должна лечь на плечи бессмертных.

- Разве я не говорила, возлюбленный сердца моего? - сказала Алисия.

Более не возражая, граф Мундвард протянул открытую ладонь, чувствуя прищельцев, что словно кольца змеи сжимали его грудь, в то время как Алисия вложила Чёрный Том в его руку.

Граф Мундвард, обретя твёрдость, понюхал воздух: не обращая внимания на кладбищенскую вонь, он сосредоточился на течениях магии, дувших навстречу и сквозь ветер. Эхо гнилостного смеха демонов наполнило эфир - крошечных, безмозглых тварей, слишком мелких даже для глаз вампира, но радовавшихся, как дети, чуме, что они распространяли. Столь смертельная болезнь могла быть создана лишь поистине мастером колдовства.

Не важно.

Со словами силы Мундвард сорвал застёжки, которые держали силу Чёрного Тома запечатанной внутри, и с рычанием открыл книгу на первой странице. В гримуаре содержались все знания некромантии, которые Влад - первый и величайший из графов Сильвании - накопил за свою долгую жизнь. Сохраняя драгоценный том после смерти Влада от его враждующих между собой потомков, а затем скрывая его существование от наследников Влада, граф поднабрался достаточно мастерства, чтобы сравниться со своим бывшим наставником и даже превзойти его.

- Читай со мной, Алисия, - сказал он, указывая бледно-костяным пальцем на страницу и начиная читать первые слова древнего неехарского ритуала. Второй голос слился с ним в унисоне речитатива. Алисия фон Унтервальд была всего лишь *компетентным* колдуном, но объединение их сил разожгло в эфире сигнальный огонь. Граф Мундвард развёл руки, охватывая весь свой город, и засмеялся, когда освобождённая сила вытекала со страниц и, проходя сквозь него, расходилась вширь.

И медленно, в тёмных и зловонных местах города, вещи, которые бы стоило навеки оставить погребёнными, зашевелились во тьме.

IV - Палейсбююрт

Крики детей, женщин и мужчин разносились под мраморными арками и псевдо-тильянскими палаццо мариенбургского правительственного центра. Каспар Восбергер сражался с людским потоком, его мысли были устремлены к конюшне, что находилась рядом с южными воротами города, в то время как его увлекал и тащил за собой людской поток. Среди толпы были богачи и бедняки, лорды и их слуги.

Теперь их кровь стала равна.

Звон оружия эхом разносился под богато украшенными каменными сводами, свидетельствуя о том, что элитная городская стража продолжала борьбу против норсканцев, карабкавшихся вверх от гавани. Крики раздавались со всех сторон. В отблеске пожаров высокие каменные здания отбрасывали огромные демонические тени. Чёрные споры висели в гнилостно-душном воздухе. Люди мёрли, словно мухи.

Крик зародился где-то впереди и исторгся изо рта Каспара, когда впереди, из-за пелены тумана показался мост Высоких башен. Один угол несокрушимой твердыни обрушился в Рейк под натиском раздиравшей его массы болезненной чёрной растительности, и в проломе бушевало сражение. С каждой

минутой всё больше и больше длинных кораблей закреплялись на скалах, которые держали опоры моста, и бросали крюки и лестницы.

Разум Каспара кружился. Его мир разваливался на куски.

Раздался ещё один крик, на этот раз поразительно близко, и Каспар увидел, как молодую горничную в шерстяной шали разрубил надвое норсканский топор. Воин рванулся сквозь кровавый фонтан, и ещё больше следовало за ним, яростным потоком вливаясь в главный зал и в толпу, кровожадным смехом сопровождая своё появление.

Сердце молотило в его груди, когда Каспар и ещё примерно с десятков горожан вбежали в переулок. По обеим его сторонам выстроились магазины с белыми стенами - Мариенбург всегда строился - и по носу Каспара ударил запах свежей краски и извести. Дыхание всхлипами вырывалось из его груди, когда он мчался по плавно поднимающейся улице. Он не привык к физической нагрузке, но крики за его спиной приближались.

Зигмар, подумал он, молясь незнакомому богу-воину Империи, *пощади меня*.

Пожилой мужчина, бежавший впереди Каспара, наткнулся на тачку, заполненную горшками с известью и стрелянками, которые были оставлены на дороге, когда началось нападение, и он оттолкнул мужчину в сторону. Он задыхался и ослабел и в ту краткую секунду, что их конечности были спутаны, Каспар споткнулся, с паническим вздохом развернулся и врезался в стену магазина. Свежая штукатурка покрылась трещинами в месте, где он ударился об неё, и в нос Каспара ударил запах гнилого мяса, который сжал его горло, как если бы мертвец протянул руки из стены с целью задушить его.

Тело было предано здесь земле, понял Каспар. И, судя по запаху, больше, чем одно. Он посмотрел мимо бегущей в панике толпы на недавно побеленные стены и сглотнул.

Намного больше.

Пара рук пробила стену по обе стороны от головы Каспара, и он упал, визжа и сжавшись в комок, под дождём штукатурки, когда плохо скоординированная серая рука с остатками плоти, свисавшими с костей, вырвала остатки стены.

Зигмар, пощади меня, повторил он. *Зигмар, пощади меня*.

V - Норстад

Норсканец споткнулся о трухлявую древесину домов старого квартала Северян. Он носил рубаху из бычьей шкуры, обшитую металлическими пластинами, и плащ с меховой отделкой, покрытый запёкшейся коркой гангренозной слизи. Его борода представляла собой свалывшиеся косы, а кожа лица ходила волнами от ползавших под ней личинок. Его волосы оставались ломкими и хрустящими, а лицо было сморщенным, как будто опалённым сильным жаром.

Маркус Горман, глашатай торгового тайного совета, ошалело наблюдал за тем, как труп протянул угольно-чёрные пальцы и грубо выхватил конверт из его руки, о котором сам он уже успел позабыть. Чёрные хлопья отвалились от пальцев норсканца, когда он неуклюже сломал печать. Один растрескавшийся глаз и одна глазная впадина с кишевшими в ней личинками изучили содержание, после чего зомби издал печальный вздох и вытащил топор из-за пояса.

Онемев, Маркус наблюдал за тем, как всё больше и больше обгоревших тел выползали из тумана.

Их были сотни, тысячи, и, издав коллективный стон, от которого смертная душа Маркоса заледенела, армия мёртвецов отправилась в Южные доки, чтобы вырвать свой город из рук живых.

VI - Аудгелдвейк

Граф Мундвард закрыл Чёрный Том дрожащими руками и уставился на крыши старого и богатого Мариенбурга. Пламя распространялось вдоль каналов, гоня перед собой крики и дым. Пока он смотрел, погорельцы поймали лодку, но лишь для того, чтобы мгновение спустя быть раздавленными обломками рухнувшего винного магазина. Он принадлежал семье эсталианцев, которую Мундвард опекал почти полвека, видя потенциального члена торгового совета в этом роду.

Всё строение опустилось под воду в колонне искр. Мундвард стиснул зубы. Со времени поражения Маннфреда фон Карштайна под стенами этого города он не чувствовал гнева.

Однако это. Это была ярость.

Он повернулся к Алисии, твёрдый и холодный, как мрамор, равнодушный к ужасным летучим мышам, что хлопали крыльями вокруг его лица

- Принеси мои доспехи.

ПОЛДЕНЬ

I - Сёйдштрассе

Из ложных дверей и забытых подвалов по всему старому городу поднялись мёртвецы Мариенбурга, чтобы противостоять норсканским захватчикам. Схватки бушевали почти на каждой улице. В укреплении Высоких башен тысячи скелетов, звеня кольчугой, поднялись из братской могилы павших во время бретоннской оккупации 1597 года, разгромив и отбросив ошеломлённых норсканцев обратно на их корабли. Однако именно на Сёйдштрассе основные силы стремящейся на юг армии Хаоса встретились в битве с главными силами армии нежити.

До гражданской войны в Бретоннии и закрытия морских путей товары со всех уголков земного шара изливались на Южный док, чтобы впоследствии отправиться на рынки Альтдорфа. Богатства мира вымостили его - как минимум в переносном смысле - золотом, и высокие, ярко окрашенные особняки и офисы выросли на операциях Южного дока. Граф Мундвард присматривал за их ростом, смотрел, как расширяются доки, как город поднимался под его руководством до всемирно известного города-государства, становясь центром мировой торговли.

Он перестал узнавать его.

Гордые здания были расколоты расширяющимися варикозными линиями чёрной плесени, а проспект, что ещё вчера был заполнен возчиками и разухабистыми моряками, нынче кишел войсками. Шеренги норсканцев - более дисциплинированные, чем можно было ожидать, исходя из их репутации берсерков - выставили твёрдый, решительный заслон на пути воинов-скелетов и зомби. Линия фронта оказалась выгнута в центре. Там самые сильные и храбрые ревели боевые кличи в надежде удостоиться благословения чумных чемпионов распада, что сражались рядом с ними. В давке боя, в окружении криков и стука костей было очень сложно отличить этих сильно бронированных воинов от червивых трупов, сквозь ряды которых они пробивались.

Как можно было столь много жизней, столь много амбиций и планов опрокинуть в столь короткий промежуток времени? Хаос казался солнечным светом, в котором сгорали ночные мечты.

Но здесь, подумал граф Мундвард, что стоял в окружении слуг и помощников, скрести руки на груди, *здесь эта анархия будет остановлена*. Это было странное чувство - после стольких лет вновь облачиться в броню и крылатые алые пластины, покрытые крапинками ржавчины. Он мгновенно ощутил в этот миг, что, несмотря на всё его влияние, он впервые лично участвовал в воплощении в жизнь своих мечтаний, ощущение, не испытываемое им в течение уже столь долгого времени.

С уколом гнева он укрепил линию фронта с помощью недавно павших вражеских воинов, наслаждаясь криками варваров, когда их собственные мертвецы восстали против них. Волевой импульс оживил затёкшие мышцы и закалил кости, и Мундвард с обнажёнными клыками смотрел за тем, как норсканский атакующий импульс сошёл на нет. Он был неутомим, а мёртвых было неограниченное количество, так что выйти из тупика можно было только одним путём.

Неизбежный результат всё ещё горячил его кровь, но в то же время он чувствовал, что его ярость всё ещё неудовлетворена. Он знал, что должен ограничивать своё вмешательство в укрепление фронта его армий, предоставить игре идти к своему неизбежному концу, но на этот раз в его долгой и осмотрительной не-жизни, подчинённой голосу разума, желание личного участия привлекало его мёртвое сердце.

Победа, что можно было одержать здесь, не имела значения. Слишком многое уже было уничтожено, орудия, которые он взращивал на протяжении многих поколений - вырезаны, и со всей ясностью Мундвард видел будущее, что ждёт его город: разруха и отсутствие лидеров, а рядом Империя, которая ждала семьдесят лет, чтобы привести свою своенравную провинцию обратно под свой каблук. Он видел охоту на ведьм, счетоводов имперского казначейства в каждом доме, подсчитывающих богатства, что всемогущие торговые дома Мариенбурга приобрели под твёрдым правлением дома Вильгельма. Он мог одержать здесь сокрушительную победу и потратить ещё пятьсот лет на то, чтобы восстановить то, что уничтожено в этот день.

Мундвард протянул руку с повернутой вверх ладонью в сторону битвы. Гнев обратился в силу, в чёрные облака, что завихрились вокруг его руки. Затем он с рычанием сжал кулак, и дорога раскололась надвое с катастрофическим ударом, что сломал норсканские ряды и отбросил их накатывающиеся отряды. Мундвард произнёс слово, и здания вздрогнули, трещина издала экзистенциальный вопль, перед тем как из неё вырвался легион бешеных, бесчеловечных духов, что разорвали испуганных норсканцев.

- Слишком много, - простонала Алисия фон Унтервальд. В то время как Мундвард использовал свою магию, чтобы поддержать свои неживые армии, остальное его окружение противостояло вражеским колдунам. Лицо его супруги было искажено от напряжения, пальцы подёргивались, словно веточки лозы, ищущие потоки Эфира, и никогда ещё до сих пор она не была столь очаровательно молчалива. - Вы привлекаете к себе слишком много внимания.

Хорошо, подумал Мундвард, когда загремели камни под ногами, и вспенилась вода.

Он вытянул руки в сторону реки, а затем поднял их к груди и напрягся, как будто поднимал какую-то тяжесть. Багровые воды вспенились, и норсканские корабли застонали. Он ждал, что командующий северянами придёт за ним. Мундвард жаждал увидеть выражение лица чумной собаки, когда он оторвёт его голову голыми руками и выпьет то, что течёт в его заражённых венах.

Мундвард обнажил клыки, когда тёмная энергия промелькнула перед его бледными глазами.

Он только начал.

Они узнают, почему даже Маннфред фон Карштайн однажды счёл нужным дать ему прозвище Мундвард Жестокий.

II - Сёйддок

Каждый моряк имел свою собственную историю о Звере Южных доков, крылатом ужасе - по крайней мере, по мнению некоторых - что, по слухам, свил себе гнездо среди затонувших судов на дне Рейка и пировал теми, кто осмеливался бросить вызов Повелителю Теней.

Это были изошрённые и ужасные истории. И каждое слово в них было правдой.

Ужасный дух вырвался из реки в пенящемся столбе воды и обломках длинных кораблей, его бьющие крылья представляли собой костяное подобие крыльев летучей мыши, а крик, что вырвался из его глотки, ударил в доки, подобно взрывной волне. Как воины Хаоса, так и норсканцы одинаково задёргались в конвульсиях, когда их разум был разорван этим воплем. Корабли отклонились от монстра, когда мощь гласа чудовища наполнила их паруса.

Затем монстр забил крыльями, воздух, свистя, пронёсился сквозь обнажённые кости его черепа, когда крылатый ужас метнулся к глыбе «Зелёного волчары», севшего на мель. Настил застонал, когда монстр набросился на нос корабля и начал крушить его в бешеной круговерти зубов и когтей. Выплюнув из пасти длинный грот, ужасный дух издал разочарованный вопль, когда нашёл лишь мёртвую добычу, после чего пучки гнилых мышц снова сократились, и тварь взметнулась в небеса.

Насущная потребность - выследить военачальника Хаоса и разорвать ему глотку - наполнила небольшой, мёртвый разум существа. Оно понюхало воздух, учуяло след и взмыло вверх, следуя по запаху сражения.

III - Сёйдштрассе

Большое окно склада разбилось под натиском резкого звука, и оставшихся в живых вереццианцев и Альваро Казарро осыпало ливнем стекла. Воины кричали, закрывая уши, пока под биением крыльев летающего ужаса тряслась крыша над их головами.

- Выходим! - закричал капитан, с плеч которого со звоном падали осколки стекла. Он поднял себя на ноги и бросился к зияющему оконному провалу, когда крыша, наконец, уступила бешеному напору, обрушив при своём падении тонны болезнетворных спор на пол склада.

Он выбрался в переулок и зашёлся в приступе кашля. Казарро почти задохнулся от вони смерти и болезни. Ощущение было таково, будто сам воздух был заражён и медленно умирал. Небо, казалось, корчилось в муках, и капитан заметил, что полуденное солнце словно поглощено огромным облаком летучих мышей. Они неистово хлопали крыльями, погрузив мир в зловонную и тёплую тьму.

Склад медленно рухнул внутрь, выкашляв наружу облако пыли. Казарро отступил на другую сторону переулка, когда колонна неуклюже передвигавших ноги воинов в форме эренгардских коссаров проковыляла мимо сквозь подымающуюся пыль. Он увидел, как впереди выпрямились двое мужчин в исцарапанных осколками стекла, потускневших нагрудниках и покрытых пятнами плесени рваных мундирах, и закашлялся. Только двое - всё, что осталось от Двадцать-четыре девяносто-пять. Даже флаги Вереццо были потеряны во время разгрома в доках. Их глаза были налиты кровью, а зрачки казались неестественно расширенными. Оспа оставила на их щеках свои отметины, а кожу пронизали чёрные

прожилки. Он дотронулся рукой до своего лица и ощутил онемевшую, испещрённую волдырями плоть.

Обречённость их положения стала, наконец, очевидной. Они не пойдут домой.

- Что будем делать? - крикнул один из двух его оставшихся в живых солдат между приступами болезненного кашля.

- Сражаться, - произнёс, закашлявшись, Казарро. - За Льва Вереццо и честь Тилии. - Казарро выхватил чинкуэду из ножен и воздел короткий меч в воздух. Он попытался выкрикнуть боевой клич, но тот превратился в захлёбывающий кашель, словно локтем ударивший в спину капитана и вытолкнувший его из переулка в безумие Сёйдштрассе.

Это было похоже на падение в океан. Утёсы высотных зданий вздымались в небеса, скрываясь в пыльном тумане и хлопающих тенях, ограничивая кипящий котёл жизни и смерти. Трое мужчин бились с отчаянием утопающих. Словно зная, глубоко внутри своих сердец, что они последние люди Тилии, они старались отомстить за своих погибших на годы вперёд. Один рухнул вниз от удара топором по горлу, другой сложился пополам, когда шипастая булава врезалась в его живот. Казарро воткнул лезвие своей чинкуэды в Y-образную смотровую щель шлема северянина и издал пронзительный вопль, что с треском вырвался из его лёгких. В разрывах водоворота он увидел сержанта Гослинга и Серошкурных Драквальда. Они были мертвы. Все были мертвы. За исключением тех, кто хотел убить его. С криком отчаяния Казарро воткнул лезвие своего клинка шириной с кулак в подмышку норсканца.

Страшный грохот сотряс улицу и её внутренности, и великий вопль пошёл со стороны воинов Норски. Мёртвые невозмутимо продолжали сражаться, но Казарро поднял глаза и увидел отвратительного быкоподобного зверя-мутанта, что возвышался за рядами северян.

- Глот! - заревели воины, потрясая оружием и знамёнами, когда отвратительное чудовище устремилось вперёд. - Глот! Глот!

Казарро чувствовал отдачу его шагов по мощёной улице и, когда он, наконец, приблизился, капитан увидел, что, на самом деле, Глот было не одним существом, а тремя. Между плечами монстра ехал вооружённый ржавой косой, чудовищно распухший воин в покрывавших его раздутую плоть ржавых растрескавшихся доспехах, а третьим был горбун, чья дрожащая плоть скрывалась за облаком из мух. Этот последний держал в руках своеобразный штандарт, представлявший собой кривой каркас на шесте, с колоколом в верхнем углу конструкции, и был облачён в развевающуюся зелёную рясу, вытканную рунами, отсвечивающими болезнью и истекающими гноем, рунами, что, казалось, стремились навеки закрыть глаза, осмелившиеся взглянуть на них и прочесть их.

Братья Глот врезались в нежить с силой парового танка, разметав во все стороны кости и мёртвую плоть и проделав в рядах армии нежити широкую просеку.

Казарро всё ещё не мог отвести взгляд, когда почувствовал резкий удар, словно лошадь врезала по рёбрам. Он опустил вниз глаза, чтобы увидеть, как копьё северянина вонзается ему в грудь. Воин повернул древко. Он услышал, а не почувствовал, как его рёбра раскололись, когда он, испустив последний вздох, упал на колени, и лезвие выдернули из его большой плоти. Его зрение затуманилось, когда силы покинули капитана, но какое-то покалывание ощущалось на самом краю сознания, некая тень и ужас, что только и ждали, когда погаснет последняя искра жизни. До последнего мига Альваро Казарро боролся с этой тьмой, что пыталась поглотить его душу, так что его разум прожил достаточно долго для того, чтобы вздрогнуть от не-жизни, наполнившей его умирающие мышцы. Последний из верещианцев, он вскочил на ноги, воткнул лезвие чинкуэды в сердце своего убийцы и застонал.

Как и Мариенбург, Казарро был мёртв, но его страдания только начинались.

IV - Сёйдштрассе

- Канализационные крысы и гниющие простаки, подходите!

Граф Мундвард сложил руки, когда его окружение отступило перед явившимся мутантом, словно побитые собаки. *Пусть. Он свершит возмездие своими собственными руками.* Сила наполняла его руки, скапливаясь между пальцами и приобретая форму, напоминающую чёрный ухмыляющийся череп. Призрак крикнул, разрушая своё магическое вместилище, а затем рванулся вперёд, оставляя за собой хвост эктоплазмы. Горбун в балахоне на спине мутанта поразил его сгустком энергии из своего посоха, и череп с воплем распался обратно на эфирные составляющие.

Мундвард зарычал. И тогда чумной колдун ответил. Густой поток бреда вышел из безгубого рта колдуна, и болезненное зелёное свечение потекло с навершия его посоха. Мундвард посмотрел на Алисию, но та была слишком занята, пытаясь провести контрзаклинание. С замысловатой последовательностью жестов и фраз Мундвард отправил чумной свет обратно с такой силой, что чуть было не вырвал посох из рук гниющего мага.

- Я не боюсь ни болезни, ни распада, - проревел Мундвард, глядя на то, как огромный мутант замедлил своё продвижение, щурясь в идиотском замешательстве, когда его господин зашипел от боли. Огромная тварь играла мышцами и пускала слюни. Распухший чемпион переместился, встав перед колдуном, словно защищая того, и поднял свою косу. С усмешкой Мундвард перевёл свой взгляд на растущую точку тьмы за спиной чемпиона.

- У вашего бога нет силы, нет ничего, что могло бы воздействовать на такого, как я.

Колдун успокаивающе положил руку на отвратительное плечо воина и обернулся. Именно в этот миг ужасный дух опустился с неба, приземлившись дальше по улице, расправив свои крылья перед тем, как удариться о дорогу, и разрывая выставленными перед собой костяными когтями норсканцев, что стояли у него на пути. С шипением колдун сжал свой посох, и новая волна гангренозного свечения окутала его на краткое мгновение, перед тем как Мундвард надменно развеял его волны. Он повернулся, чтобы посмотреть, как его могучий зверь-раб проделывает просеку в рядах северян. Скоро. Уже скоро. Даже гигантский мутант был карликом в сравнении с ним. Слишком поздно Мундвард заметил третью руку колдуна, скрытую за опухшей, покрытой фурункулами массой и вращавшимися глазами яблоками, что располагалась на спине горбуна, и бешено чертящую отдельную сеть магических символов.

Граф Мундвард взревел от ярости - как он, Повелитель Теней, мог быть обманут простой ловкостью рук - и выплюнул контрзаклинание, но было уже поздно. Новая звезда желто-коричневого цвета целиком поглотила ужасного духа, и чудовище завопило, когда долго откладываемое разложение взяло причитающееся: за мгновения плоть сгнила и отпала, кости потемнели и рассыпались. Секунды спустя, всё, что упало на чумного колдуна и его соратников - это жалкая горстка праха.

- Даже кость должна стать пылью, - хрипя и задыхаясь, словно его лёгкие были проколоты, прохрипел колдун.

Глаза Мундварда побелели от ярости. Колдун сдохнет последним, причём таким способом, что всё, виденное Мундвардом за столетия его жизни, покажется невинной шалостью.

- Гурк, - произнёс вражеский колдун, присев на корточки и обращаясь к звероподобному мутанту на

котором он сидел, на что тварь откликнулась со звучной отрыжкой и водопадом слюны. - Отто, - обращаясь к заплывшему жиром воину. - Пора заканчивать здесь. Тогда мы, три брата, сможем отправиться дальше и взрастить свой собственный сад язв, болезней и разложения в стенах Альтдорфа.

Существо, Гурк, бросилось вперёд, вытянув свои руки, увитые толстыми, словно канаты мускулами, в то время как Отто попытался поразить его своей ржавой косой. Губы Мундварда презрительно скривились, когда он, словно танцую, легко ушёл от неуклюжих лап распухшего голиафа, а затем парировал удар косы, словно он был столетиями затачивающим своё мастерство рыцарем, и нанёс ответный удар в горло Гурка, вызвав гниющий поток, заливший складки груди твари. Вонь бы сбила с ног орка, но не имеющий необходимости дышать, или желудка, что можно было бы расстроить, Мундвард проигнорировал его. Отто наносил удар за ударом с силой, достаточной для того, чтобы разрубить коня в доспехах, но Мундвард был быстр, как гадюка, и хитёр, словно старый лис. Он сражался, как всегда жил - с хитростью и предусмотрительностью, и, нанося коварные удары, тут же продумывал последующие ходы и варианты. Движимый холодной, внешне не проявляющейся яростью, вампир пробился сквозь защиту Отто в кромсающей метели сияющей стали, и вонзил клинок по самую рукоятку в брюхо Гурка, чем вызвал у монстра болезненное, недовольное ворчание.

- *Страдай*, - прошипел Мундвард.

Одинокая слеза выкатилась из единственного, грустно смотревшего глаза мутанта, и Мундвард ввернул меч ещё глубже, прежде чем вырвать его из кишок монстра. Его жестокий смех захлебнулся, когда прилив из желчи и гниющих внутренностей, вырвавшихся из раны, ударил ему в лицо. Он зашипел, ослеплённый всего на одну секунду, прежде чем смог отвернуть голову от зловонного потока и вытереть с глаз мерзкую жижу. Ржавая коса метнулась к его шее. С нечеловеческой скоростью он извернулся, уходя от удара, но, уже в третий раз за день, граф заметил опасность слишком поздно.

Боль - ощущение, которое он уже позабыл - взорвалась в его плече. Коса воина разрубила кости, пронзила сердце и прорвалась через высохшие органы его живота.

Вампир опустился на землю, задыхаясь от удушающей боли, он чувствовал, как окоченение ползёт по его телу от разорванного сердца.

Невозможно, подумал он. *Невозможно*. Его мысли потрескались от бессловесной песни боли, когда чумной чемпион выдернул своё оружие из его тела. Прежде чем он смог упасть, чудовищное щупальце, что заменяло одну из рук Гурка, обвилось вокруг его туловища. Мундвард почувствовал, как его нагрудник погнулся и затрещали рёбра. В отчаянии, он обратился к крови повреждённого сердца, чтобы попытаться ускорить исцеление, но времени уже не оставалось - монстр подтащил его к глазу полному боли и раскрыл свою чудовищную слюнявую пасть.

Некогда это было человеком. Прежде чем Хаос слишком сильно воплотил в жизнь его мечты.

- *Страдай*, - отрыгнул Гурк.

Огромный мутант ещё сильнее сжал вампира, после чего разок раскрутил над головой и бросил. Зловонный ветер трепал длинные белые волосы Мундварда, пока он падал. Под собой, на дороге, он видел, как разваливалась, не направляемая более его волей, создаваемая пять сотен лет армия. А потом там уже не стало воинов. Он был над водой, над беспокойной поверхностью которой раздавался шёпот и звон, и сверкал радостный блеск костров.

Рейк.

Ужас наполнил его. Кол в сердце может взять силу вампира, солнце - забрать его жизнь, но проточная вода не сделает ни того, ни другого. Это будет лишь агония, опустошающая саму его душу.

Граф Мундвард собрал последние силы, чтобы выкрикнуть отчаянную просьбу к ветру смерти, но никто не услышал его крик, когда вода окутала и поглотила его.

СУМЕРКИ

I - Рейкспорт

На южной стороне Мариенбурга стены были толстыми и высокими, так как на протяжении всего времени, что город игрался с суверенитетом, он боялся своего мощного южного соседа намного больше, чем всего, что могли бы бросить против него налётчики с дальнего севера. *Как наивно*, - подумал теперь Каспар Восбергер, видя знамёна Карробурга, развевающиеся вдоль альтдорфской дороги от южных ворот, и, прищпорив коня, отправил его в бешеный галоп к воротам. Охваченный ужасом чёрный жеребец с грохотом помчался вниз по мощёной улице. Запах смерти заполнил ноздри бедного животного, и оно периодически отклонялось со своего пути, чтобы избежать валявшихся на всём его пути трупов. Большинство тел выглядели довольно древними: они были гнилые, некоторые покрыты штукатуркой или кирпичной пылью, а иные были покрыты тиной и грязью, словно недавно вылезли из болота. В настоящее время они не подавали никаких признаков жизни.

Мужчины и женщины, что всё ещё были живы, сновали туда сюда, собирая свои пожитки в узлы, но разбегались в стороны перед дворянином и его конём.

Когда мёртвые поднялись, Каспар молил Зигмара о спасении, и человек-бог Империи пощадил его. Он должен был предупредить генерала Империи, что направлялся сюда о том, что ждёт его. И даже больше этого! Он должен был предупредить Альтдорф, чтобы тот не разделил судьбу Мариенбурга.

Коня занесло на брусчатке, когда Каспар заставил его совершить резкий поворот, а затем он встал на дыбы, когда перед ним возникла фигура, вставшая на середине дороги и не собиравшаяся уступать ему путь. Каспар выругался и поспешно укоротил хватку поводьев, когда его скакун взвился на задние ноги. Животина была всего лишь почтовым конём, а не боевым, и в его инстинктах было избегать столкновений, а не искать их.

- Прочь с моего пути, деревенщина!

Мужчина неуклюже повернулся к нему лицом, и Каспар ахнул. Он был промокшим насквозь, судя по тёмному ворсу на его кожаных сапогах с серебряными пряжками. Его мокрая, плотно облегающая худое тело, дамасская рубашка была в тёмно-багровых подтёках и, словно под когтями медведя, разорвана на груди и плече. Его молочные глаза безучастно смотрели прямо в лицо Каспара, а голова была наклонена, демонстрируя ужасно выглядящую рану на шее, когда он подошёл. Это был Энгель ван дер Зее. Или было.

Каспар закричал, когда покойник бросился вперёд и ухватил его за колено. Он махнул рукой, целясь в голову Энгеля, а затем издал булькающий крик, когда его выдернули из седла.

Стеная от боли в ушибленном плече, Каспар оторвался от мостовой, когда второй человек сунул ноги в стремя освободившейся лошади и вскочил в седло. Его благородное лицо было бледным и напряжённым, прямые белые волосы ниспадали на алые пластины покорёженного доспеха. Он взял поводья в

бескровные, словно кость, руки и склонился на сторону, чтобы скрыть то, что выглядело как смертельная рана в плече.

- Моя благодарность за лошадь, - произнёс человек шёпотом умирающего.

- Милорд, я должен уйти. Я должен предупредить наших братьев и сестёр в Альтдорфе.

Человек усмехнулся. Речная вода с журчанием вытекала из его горла. Его лицо ожесточилось, когда горн карробуржцев сыграл предупреждение. Контакт с врагом состоялся. Последовала серия громких сигналов, после чего войска начали образовывать неровные боевые линии. Всадник повернул коня к Южным воротам, оставив Каспара лежащим на спине рядом с безвольно глядящим ван дер Зее.

- Мощные силы собираются в Альтдорфе, дитя. Паразиты эти обошли Повелителя Теней один раз. Но второго - не будет.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Оборона_Мариенбурга_/_Marienburg's_Stand_\(рассказ\)&oldid=10720](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Оборона_Мариенбурга_/_Marienburg's_Stand_(рассказ)&oldid=10720)

Эта страница в последний раз была отредактирована 27 января 2020 в 13:21.